

Арабский мир в политике США в 1949–1953 гг.

«Этот Ближний... бурлящий Восток» — так назвал одну из своих книг известный отечественный востоковед Л. Медведко [9]. На протяжении всей истории регион не раз оказывался в эпицентре международной политики. На ближневосточной шахматной доске менялись только игроки. В настоящее время главный игрок — США. Вхождение арабского мира в сферу стратегических интересов Вашингтона началось в годы Второй мировой войны, которая открыла, по мнению американского учёного Б. Кунихолма, «эру интенсивной американской причастности к арабскому миру, продолжающейся по сей день» [22]. Период 1949–1953 гг. представляет интерес, ибо в глобальном процессе становления холодной войны регионы имели свою динамику. Именно в эти годы США предприняли первые шаги по втягиванию арабских стран в блоковую конфронтацию.

При планировании внешней политики на 1949 г. Ближний Восток определялся как важнейшее для безопасности США пространство [13, 33]. Существенное значение имело возращение роли арабской нефти в послевоенной политике США. Однако процесс деколонизации арабских стран и ситуация, сложившаяся после образования государства Израиль и Палестинской войны, создавали трудности для Вашингтона. К тому же отсталость и бедность региона, по мнению американских политтехнологов, могли стать потенциальной базой для распространения революционных и коммунистических идей [13, 39, 43].

В содержательном плане американская политика на Ближнем Востоке в рассматриваемый период ознаменовалась появлением новых инициатив: это «Четвёртый пункт» программы помощи странам Третьего мира президента Г. Трумэна и идея создания военного блока «Средневосточное командование», своеобразного южного варианта НАТО.

В инаугурационной речи 20 января 1949 г. Г. Трумэн предложил программу технической помощи для слаборазвитых стран, финансируемую полностью или частично правительством США, которая была принята Конгрессом в июне того же года в рамках закона о Внешне-экономической помощи и техническом сотрудничестве [11, 123; 14, 757–763; 10]. Этот документ вошёл в историю как «Четвёртый пункт» программы Трумэна или «малый план Маршалла». По определению американских авторов Д. и Г. Колко, «программа помощи для экономически отсталых нефтяных районов открывала для американского бизнеса создание благоприятного инвестиционного климата» [21, 622].

ЮСИС сразу же признала программу помощи в «качестве важного психологического оружия», была развёрнута работа по пропаганде преимуществ американской политики по сравнению с советской, а также в целях предотвращения обвинений «в империализме доллара» [27, 112]. Такая разъяснительная работа объяснялась тем, что новую инициативу Вашингтона в арабском мире встретили без восторга. Так, в ряде египетских публикаций отмечалось, что «под маской экономической помощи отсталым странам ставится цель поставить страну под военный, политический и экономический контроль» [7, 69]. Например, условием предоставления помощи Ливии было строительство военного аэродрома в Литании, морского порта в Триполи для захода крупных военных кораблей и др. [3, 8]. Депутаты сирийского и ливанского парламентов от неё отказались, заявив, что «прежде чем рассматривать вопрос о предложениях «Четвёртого пункта», необходимо, чтобы Запад принял меры для разрешения спорных вопросов», в частности египетского [5, 136; 142].

Первой страной, подписавшей соглашение о технической помощи, стала Саудовская Аравия [23, 444]. К осени 1951 г. всё же арабские страны, за исключением Сирии и Йемена, приняли участие в программе «Четвёртого пункта» [26, 151]. В Кремле данную программу восприняли, как составную часть «доктрины сдерживания коммунизма» [8, 152].

Для выработки внешнеполитического курса в ноябре 1949 г. в Стамбуле и в марте 1950 г. в Каире состоялись встречи чиновников из Госдепартамента с американскими послами в странах Ближнего и Среднего Востока, на которых рассматривался довольно широкий

круг вопросов, в том числе связанных с арабским миром [13, 165–169; 15, 239–243]. Среди основных целей американской политики на Ближнем Востоке, сформулированных на этих конференциях, была задача «не допустить распространения влияния Советского Союза в любой стране любым способом». Саудовская Аравия признавалась ключевым звеном, в обеспечении американских интересов в арабском мире [13, 169–170]. 27 декабря египетская газета «Аль-Ахрам» информировала читателей о советской оценке итогов Стамбульской встречи: «Непосредственным результатом было соперничество в борьбе за нефть и стратегические базы на Востоке». Далее указывалось, что «вопросы о строительстве военных и военно-морских баз на Ближнем Востоке будут решаться США самостоятельно, чтобы избежать разногласий с Великобританией» [6, 139].

Важным документом, принятым в свете решений Каирской конференции, стала Декларация трёх [12, 886; 15, 167–168], подписанная 25 мая 1950 г. в Лондоне США, Великобританией и Францией по инициативе Вашингтона. Она определяла позиции держав в арабо-израильской зоне. Фактически, как отметил американский автор Дж. Гуревич, державы «устанавливали контроль над экспортом оружия и пытались создать систему коллективной безопасности» [19, 9]. Оценивая этот документ, египетская газета «Аль-Мисри», официальный орган партии Вафд, писала: «Запад даёт понять, что арабский мир — зона его влияния и предупреждает от возможного вступления в соглашение с СССР» [7, 111]. По сообщению корреспондента «Франс Пресс» из Бейрута, «декларацию о поставках вооружения на Ближний Восток» сдержанно встретили в Ливане [1, 111]. В Москву от советских дипломатов также поступали сведения о «неоднозначной реакции арабской общественности на Тройственную декларацию» [8, 127, 128].

В отличие от большинства арабских стран Саудовская Аравия в 1951 г. заключила ряд соглашений с США, в результате чего королевство получило право закупать оружие и военные материалы в Соединённых Штатах, при этом Эр-Рияд брал обязательство не нападать на третье государство (речь шла об Израиле) на стороне стран, входящих в Арабскую Лигу. Параллельно продлевалась на 5 лет американская аренда военно-авиационной базы Дахран [13, 444–445; 4, 23, 74]. Американское военное ведомство исходило из того, что Саудовская

Аравия «должна была подготовиться на случай войны раньше, чем какое-либо другое арабское государство» [2, 16].

Договорённость держав весной 1950 г. по вопросу поставок оружия арабам и Израилю в целях самообороны, по существу, явилась первым шагом на пути создания общеарабской системы обороны. В начале 1951 г. стали рассматриваться планы включения арабских стран в оборонительную систему Запада [16, 45–48]. Арабская политическая элита неоднозначно восприняла англо-американскую идею создания оборонной системы, направленную против Советского Союза. Какая-то её часть считала, что советская экспансия реальна, другая актуализировала проблемы независимости и вывода английских войск, но большинство в отношении противостояния Запада с Востоком придерживалось политики нейтралитета [15, 99; 4, 98, 100]. Дж. Макги пишет, что к лету США и Англия договорились о необходимости создания Верховного союзного командования по Ближнему Востоку (МЕС) с включением в эту систему Египта, создав, таким образом, механизм контроля над регионом. По выражению автора, «это было компромиссное решение англо-египетского спора» [24, 118].

Однако в первой попытке создать военный блок даже в форме ближневосточного командования с включением в систему Египта американцы не добились положительных результатов. Существенную роль сыграл англо-египетский кризис. США не учли в своей политике на Ближнем Востоке, как и в Азии в целом, роль такого фактора, как национализм. Как пишет П. Хан, «провал МЕС стал следствием неспособности США согласовать интересы Запада с национальными чаяниями египтян» [18, 130]. По словам другого автора, П. Силе, западные державы «проявили удивительную нечувствительность к египетскому и арабскому мнению» [25, 111]. Антиамериканские настроения арабской политической элиты во многом объяснялись произраильской позицией администрации Г. Трумэна. К числу других причин можно отнести внутренние противоречия в самом американо-англо-французском партнёрстве.

Тогда США берут инициативу в свои руки. Вместо модели ближневосточного командования предлагают создать «Организацию обороны Среднего Востока» (MEDO), членами-учредителями которой были бы США, Великобритания, Франция и Турция. Египет

приглашался в качестве одного из соучредителей на основе равноправного партнёрства. В случае полного принятия условий Египтом, Англия отказывалась от договора 1936 г. и выводила свои войска [16, 209–210]. Однако и эта инициатива не получила поддержки со стороны арабских правительств. Не оправдались надежды администрации Г. Трумэна, что египетский режим после военного переворота 1952 г. пойдёт на принятие американских условий MEDO и заключение мира с Израилем. После поездки в мае 1953 г. госсекретаря Дж. Даллеса республиканская администрация Д. Эйзенхауэра пришла к выводу, как отмечает Д. Гэддис, что «надо отказаться от мысли, что Египет — ключевое звено в обороне Ближнего Востока» [20, 169]. В результате в Вашингтоне ставку сделали на реализацию модели «северного яруса» по линии Турция — Пакистан с возможным присоединением к ним таких стран, как Египет и Ирак [17, 503–504]. Не удалось решить ещё один судьбоносный вопрос — примирить Египет с Израилем, от чего, по мнению Вашингтона, зависел дальнейший процесс урегулирования арабо-израильских отношений.

Список источников и литературы

1. АВП РФ. Ф. 56/б. Оп. 17. П. 533. Д. 415.
2. АВП РФ. Ф. 56/б. Оп. 17. П. 541. Д. 461.
3. АВП РФ. Ф. 56/б. Оп. 18. П. 677. Д. 497.
4. АВП РФ. Ф. 56/б. Оп. 18. П. 685. Д. 554.
5. АВП РФ. Ф. 56/б. Оп. 18. П. 685. Д. 555. Ч. 1.
6. АВП РФ. Ф. 87. Оп. 11. П. 16. Д. 6.
7. АВП РФ. Ф. 87. Оп. 11. П. 17. Д. 7. Ч. 2.
8. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. Т. 1. М., 2003.
9. Медведко Л. И. Этот Ближний... бурлящий Восток. М., 1980.
10. Шенин С. Ю. США — Третий мир: У истоков новых отношений (история «Пункта 4» 1949–1953). Саратов, 1997.
11. Department of State. Bulletin, January 30, 1949.
12. Department of States. Bulletin № 570, June 5. 1950.
13. FRUS: 1949. V. 6. The Near East, South Asia, and Africa. Wash., 1977.
14. FRUS: 1949. V. 1. National security affairs, foreign economic policy. Wash., 1976.
15. FRUS: 1950. V. 5. The Near East, South Asia, and Africa. Wash., 1978.
16. FRUS: 1951. V. 5. The Near East and Africa. Wash., 1982.
17. FRUS: 1952–1954. The Near and Middle East. Part 1. Wash., 1986.

18. Hahn P. L. The United State, Great Britain and Egypt, 1945–1956: Strategy and Diplomacy in the early Gold War. The Univ. of North Carolina Press, 1991.
19. Hurewitz J. C. Soviet-American Rivalry in the Middle East. N.Y., Wash., L., 1971.
20. Gaddis J. L. The Gold War. A New History. Boston, 2007.
21. Kolko J., Kolko G. The Limits of Power: The World and the United States Foreign Policy. 1945–1954. N. Y., 1972.
22. Kuniholm B. R. American Oil Interests in the Near East // The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980. P. 178–192.
23. Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. Ithaca, N.Y., 1962.
24. McGhee G. C. The US- urkish-NATO Middle East Connection: How the Truman Doctrine Contained the Soviets in the Middle East. N.Y., 1990.
25. Seale P. The Struggle for Syria. A Study of Post-War Arab Politics, 1945–1958. L., 1987.
26. Speiser E. A. Middle East Dilemmas: the background of United States policy. N. Y., 1973.
27. Vaughan J. R. The Failure of American and British propaganda in the Arab Middle East, 1945–1957. N. Y., 2005.

Н. М. Галиакбарова,
доцент УрФУ, г. Екатеринбург

Германо-турецкий договор о ненападении 18 июня 1941 г. в работах турецких историков

В истории международных отношений нередко возникал вопрос о моральной оценке ряда заключенных странами соглашений и договоров. Одним из таких соглашений стал Договор о дружбе и ненападении, подписанный Германией и Турцией 18 июня 1941 г. Советские историки однозначно осуждали этот пакт, расценивая его как поддержку фашистской Германии накануне ее вторжения в СССР [1, 27; 2, 204; 3, 183]. Однако академический и практический интерес представляет изучение и турецкой историографии вопроса.